

СОЛИДАРНОСТЬ И ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНЕТА: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СВОБОДА И МЫШЛЕНИЕ

Юлия Щербина¹

Abstract

The article is dedicated to the problem of a solidarity phenomenon. What is the source of solidarity? How is it connected with responsibility and freedom? What role does the Internet play in the development of solidarity? The problem of solidarity is showed in two main ways: pragmatic (Rorty) and phenomenological (Patočka). The former is connected with the understanding of violence, the latter – with the situation of shaken, but not frightened people. Both of the ways show solidarity as a phenomenon which has its roots in responsibility and freedom. Internet activism is concerned to be one of the ways of how the solidarity works nowadays.

Keywords: solidarity, responsibility, freedom, violence, Internet activism

Последние события, происходящие в современном мире, все четче показывают две основные тенденции, противоположные друг другу: стремление к разъединению (обнаружение себя как не-тождественного Другому, в том числе Другому, с которым существует совместная история, установление различия между «мы» и «они») и стремление к солидарности. Как первое, так и второе требует отдельного исследования, однако данный небольшой текст ставит своей задачей рассмотрение второго феномена, т.е. солидарности, поскольку она проявляется во многих, даже самых мелких действиях: от перепоста в социальных сетях и до выхода на площадь для поддержки митингующих. В связи с этим возникают следующие вопросы: каков исток солидарности как социального явления, почему и как она возникает, как в человеке сформировывается потребность поддержки другого? Каким образом солидарность связана с интернет-пространством? Можно ли назвать интернет-пространство одной из сфер, в которых реализуется солидарность, и как она связана с ответственностью и свободой? Именно эти вопросы являются ключевыми для данной статьи.

Говоря о проблеме солидарности, можно отметить, что именно XX век, пожалуй, стал отправной точкой для рассу-

¹ Юлия Щербина – выпускница отделения философии факультета философии и социальных наук БГУ, магистр философских наук. (г. Минск, Беларусь)

дений касательно данного явления. Именно в это время особенно остро акцентируется внимание на таких проблемах, как смерть и дар смерти, тревога, страх, боль, страдание, жертва, ответственность, свобода – именно с этими понятиями и связана солидарность. XX век становится потрясением для всего человечества, некоторые мыслители даже представляют его «войной»²: именно в течение этого столетия многие философы приходят к выводу о том, что развитие современной цивилизации, которая привела человечество к войнам и революциям, является в корне своем патологичным. И все же среди всех этих негативно окрашенных факторов появляется и такой, как солидарность, – фактор, проводящий грань между страхом и желанием сохранить свою жизнь; фактор, позволяющий связать воедино понятия ответственности и свободы. К проблеме солидарности обращались многие философы, но самые интересные и значительные версии были представлены, пожалуй, Ричардом Рорти и Яном Паточкой. Несмотря на то, что оба философа относятся к совершенно разным направлениям философии (один – к прагматической традиции, другой – к феноменологической), представляется интересным и продуктивным сравнить две точки зрения на проблему солидарности, чтобы получить обзорную картину указанного феномена.

Ричард Рорти, американский философ-прагматист, рассматривает проблему солидарности в третьей части своей книги «Случайность, ирония и солидарность»³, связывая солидарность с жестокостью. Рорти раскрывает солидарность через конкретные литературные примеры – демонстрации того, что писатели XX века Владимир Набоков и Джордж Оруэлл называли жестокостью. Сперва мысль Рорти довольно далека от рассмотрения собственно проблемы солидарности: философ сосредоточивается на описании литературных произведений, основных событий и ключевых фигур с целью показать, как нити повествования, на которых он акцентирует внимание, впоследствии разворачиваются в определенную канву человеческого поведения в различных условиях и жизненных ситуациях. Отдельно стоит отметить то, почему для своего анализа Рорти выбирает таких непохожих друг на друга авторов. Дело в том, что философ полагает, что, несмотря на различия в стиле письма и сюжетах, а также в представлениях о том, каким должен быть писатель, оба автора сосредоточены на демонстрации читателю жестокости: «Оруэлл, создавая портрет О`Брайена, делает то же самое, что и Набоков: он помогает нам войти *внутрь* жестокости»⁴. Рорти называет Набокова и Оруэлла «политическими либералами в самом широком смысле этого слова», утверждает, что они «разделяли одно и то же политическое кредо и одинаково реагиро-

² Я. Паточка: *Войны XX века и XX век как война*, Минск: Логвинов 2008, 148–170.

³ Р. Рорти: *Случайность, ирония и солидарность*, Москва: Гнозис 1996, 280.

⁴ Рорти, указ. соч., 187.

вали на одни и те же политические события»⁵. И либералами двух писателей Рорти называет постольку, поскольку они соответствовали следующему критерию, а именно считали, что «жестокость является наихудшим из того, что мы делаем»⁶. Таким образом, Рорти обращается к творчеству Набокова и Оруэлла, поскольку центральной темой их произведений является «не самосозидание, а скорее жестокость»⁷. Тем не менее, и вне всяких сомнений, оба автора представляют жестокость по-разному.

Рорти начинает с рассмотрения набоковской «Лолиты», причем философ говорит не столько о самом произведении и его литературной, эстетической ценности, сколько о послесловии к роману, которое написал Набоков. Поскольку последний не мог допустить мысль об интенсивности боли, что являлось следствием его «способности к наслаждению», Набоков, по мнению Рорти, связывал жестокость с отсутствием любознательности, т.е. с отсутствием у человека интереса к Другому. В свою очередь, свидетельством «отсутствия любознательности» у Набокова оказывался тот факт, что читатели не замечают особенных деталей в романе: например, упускают из виду упоминание об умершем брате Лолиты, а также о погибшем сыне парикмахера, который стриг Гумберта, оставаясь черствыми к такого рода трагедиям. Именно эта невнимательность и трактуется Набоковым как жестокость: «Мораль заключается не в том, чтобы не протягивать руки к девочкам, но в том, чтобы замечать, что делаешь, и в особенности, что говорят другие. Ибо может оказаться и часто оказывается, что люди пытаются сказать тебе, что они страдают»⁸. в своем рассуждении Рорти ссылается на то, что, когда человек озабочен достижением своего сексуального или эстетического наслаждения, он, как и читатель «Лолиты», не замечает чужого страдания, боли – и тем самым, вероятно, делает страдающему еще больнее. Т.е. жестокость проявляется в безразличии, невнимательности к деталям и отсутствии любознательности.

Что касается Оруэлла, то здесь мы имеем дело с описанием совершенно другого вида жестокости. Эта жестокость может показаться более привычной. В последней части книги «1984» Оруэлл показывает нам действия О`Брайена – действия, которые направлены на то, чтобы сломить волю главного героя романа, Уинстона. Рорти пишет, что «люди не обладают ничем, кроме того, что дано им в процессе социализации, – их способности использовать язык и, таким образом, обмениваться убеждениями и желаниями с другими людьми»⁹. Говоря по-другому, людям дано мышление, которое осуществляется на определенном языке, и мышление это свободно. По мнению Рорти, жестокость, которую показывает Оруэлл, – не просто физические пытки, это жестокость подчинения и тотального слома личности, жестокость лишения мышления его свободы,

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Рорти, указ.соч., 209.

⁹ Там же, 224.

подчинение воли человека; жестокость ради жестокости, пытка ради пытки. Оруэлл представляет читателю ситуацию, при которой «тайная свобода, которую будто бы можно сохранить при деспотическом правлении», является всего лишь бессмыслицей, потому что «собственные мысли никогда не являются собственными»¹⁰. Это значит, что мысли, которые герои книги Оруэлла считали плодами собственного мыслительного процесса, оказывались навязанными извне. В таком случае жестокость – это внешнее давление на человека, которое заставляет последнего утратить внутреннюю связность и целостность, признать, что «он более не способен использовать язык или быть самостью»¹¹. Цель такой жестокости – сама пытка, сама жестокость, разрыв личности и повседневности, из которой и в которой эта личность сформировывается.

Странным образом именно существование жестокости Рорти связывает с проявлением солидарности. В ситуации, когда человек видит, как над другим совершаются пытки, когда человек видит страдание и боль другого, он принимает чужую боль как свою – и это является истоком солидарности. Рорти пишет:

«Чувства солидарности зависят от того, какие сходства и различия поражают нас своей выпуклостью, и что такая выпуклость является функцией исторически конечного словаря»¹².

Рорти предполагает, что существует нравственный прогресс, который движется по пути большей солидарности. Но солидарность философ связывает не с тем, что традиционные различия (расовые, племенные, обрядовые и т.д.) начинают рассматриваться как несущественные вообще, но с тем, что они рассматриваются как несущественные по сравнению со сходствами, которые касаются боли и унижения. Таким образом, Рорти связывает солидарность не столько с разделением людей на своих и чужих, на «мы» и «они», сколько с тем, что человек может солидаризироваться с другим благодаря сопереживанию, сочувствию и состраданию.

Одним из примеров подобной солидарности может выступить следующее событие. в самом начале выступлений на майдане в Украине, в одной из социальных сетей было опубликовано сообщение, объясняющее, почему конкретный человек (назовем его А.) отправляется на майдан: А. видел, как там избивали чужих детей, и понял, что подобное может произойти с его собственными детьми, чего он допустить не может и поэтому присоединяется к митингующим. Такой пример солидарности кажется самым очевидным и простым, самым понятным – это реакция сопереживания, которая приводит к активному действию.

Таким образом, Рорти совершает поворот по отношению к этике Канта: если немецкий мыслитель связывал нравственность с раскаянием и подчинением нравственному долгу, то Рорти связывает солидарность с тем, что человек буквально отождествляет

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, 227.

¹² Рорти, указ. соч., 242.

себя с болью и унижением другого. Можно сказать, как бы парадоксально это ни звучало, что солидарность в таком случае появляется благодаря телесности человека и его боязни боли.

Тем не менее в концепции Рорти как раз совершенно не учитывается фактор страха, который может испытывать человек в ситуации, когда он становится свидетелем жестокости. Именно здесь, в связи с проблемой страха, который одолевает человека в момент принятия решения, возникает проблема ответственности и мужества. Проблема ответственности связана со способностью человека отвечать за собственные поступки, т.е. столкнуться с последствиями того или иного совершенного осознанно выбора; проблема мужества – с противостоянием событиям, которые пугают человека и заставляют его ощутить *misterium tremendum*, т.е. первородный страх, тремор, парализующий действия и мышление¹³.

В связи с этим возникает необходимость обратиться к еще одной трактовке проблемы солидарности, а именно к интерпретации Яна Паточки, который учитывает проблематику страха в своей концепции.

Говоря о трактовке солидарности в творчестве Паточки, необходимо отметить, что чешский философ не обращается к проблеме солидарности вообще, он конкретизирует и сужает ее, а потому ведет речь о «солидарности потрясенных, но не уstraшенных» – в этом смысле Паточка задает определенный контекст исследования проблемы. Кроме того, он рассматривает проблему «солидарности потрясенных» не как отдельно взятый вопрос, но как часть своей философии истории, основным моментом которой и является потрясение¹⁴.

В отличие от Рорти, Паточка обращается не к вымышленным, литературным (сколько реалистично они ни были бы описаны), а к настоящим событиям жизни человека. В своих работах Паточка рассматривает фронтовой опыт солдат, которые участвовали в Первой мировой войне¹⁵. Когда солдат оказывается на фронте, он

¹³ Здесь, впрочем, речь необязательно идет именно о страхе и трепете, который может ощутить человек в пограничной ситуации выбора. Тем не менее, как правило, такие действия, как совершение выбора и поступка, сопровождаются для человека ощущением вызова и ответа на него (если только человек подходит к данной черте осознанно).

¹⁴ Именно потрясение, по Паточке, является источником движения истории. Из-за потрясений происходят исторические повороты: потрясение в этом значении выступает именно потрясением смысла, ярчайшим примером которого может быть назван «переход от мифа к логосу» – ситуация, в которой человек освобождается, совершает прорыв из мира уютного и комфортного мифа (в котором жизнь представляет собой лишь самовоспроизведение основных функций, необходимых для жизнедеятельности, не превосходящей жизнь животного) в мир вопрошания и вопросов, которые ставят само бытие человека под сомнение.

¹⁵ Паточка обращается к фронтовому опыту вслед за немецким писателем и философом Эрнстом Юнгером, который рассматривал данную проблему в работе «Борьба как внутреннее переживание».

встречается лицом к лицу со смертью, – эту встречу Паточка также называет столкновением с «ничто» в хайдеггерианском смысле, т.е. с «полной негацией тотальности сущего»¹⁶. Встреча с *ничто*, видение *ничто* – это некая «точка сборки» человека, момент, когда человек осознает свою свободу, поскольку «без оригинального проявления “ничто” не существует ни индивидуальности, ни свободы»¹⁷. Это также момент, когда актуализируется внутренняя борьба человека, пункт, в котором человек, столкнувшийся с ничто, осознает, что целью борьбы является «жизнь для свободы и в свободе»¹⁸. Самым важным в подобной ситуации оказывается опыт осознания, что именно таким образом и *только* таким образом, через борьбу за свободу, и возможна жизнь как таковая. Так Паточка связывает солидарность и свободу: люди солидаризируются для достижения свободы, и истоком, причиной появления солидарности становится нечто, превосходящее человека, но также и то, что позволяет ему обрести (говоря хайдеггеровским языком), постичь полноту собственного бытия. В каком-то смысле встреча солдат с «ничто» на фронте напоминает описание встречи с нуминозным, которую подробно описывает Рудольф Отто¹⁹: эта встреча сперва заставляет реагировать тело, поскольку человека настигает тремор или *tremendum* от встречи с неизвестным и превосходящим человеческое существо, а уже после этой телесной, чувственной реакции страх, ужас, трепет сменяется какими-то более-менее рациональными объяснениями.

При этом человек не просто стоит перед острым социальным и индивидуальным выбором: как поступить, бороться за жизнь в свободе и для свободы или же отступить, поддавшись страху, но еще и принимает на себя ответственность за *любой* из возможных ответов на поставленный вопрос. Те люди, которые выбирают путь борьбы, а значит путь солидаризации с другими, по Паточке и являются «потрясенными, но не устрашенными». Соответственно, потрясенными они становятся благодаря встрече с «ничто», а не устрашенными – в связи с тем, что, несмотря на потрясение и возможный разрыв с предыдущим, повседневным своим существованием, они не отказываются от борьбы, но продолжают ее.

Таким образом, мы видим, что интерпретация Паточки является не только более узкой, но также и то, что она окрашена феноменологически и политически: для Паточки солидарность – не просто некий социальный феномен, который может быть описан посредством литературной или художественной деятельности. Согласно чешскому философу, солидарность ярче всего проявляется в острых политических ситуациях, таких как война и революция.

¹⁶ М. Хайдеггер: *Что такое метафизика?* М.: Языки славянских культур 2010, 33.

¹⁷ Хайдеггер, указ. соч., 33.

¹⁸ I. Chvatik: *Patočka's concept of the solidarity of the shaken and the possibility of a meaningful existence*, Prague 2013, 58–74.

¹⁹ Р. Отто: *Священное*, Спб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та 2008, 272.

Однако стоит отметить, что в настоящее время понятие политики становится намного более широким, чем ранее, поскольку политика может охватывать сферу публичности вообще. Именно поэтому можно говорить о виртуальной солидарности, которая проявляется в публичных обсуждениях в социальных сетях или на интернет-форумах, при поддержке различных онлайн-петиций: начиная от голосования за любимых звезд на «самых-самых» конкурсах до охвата программ по защите окружающей среды. Люди со всех уголков света объединяются в сообщества, которые не имеют привязки ни к государству, ни к национальности. В таких сообществах важны не принадлежность человека, его социальный статус, но цель и программа, которые объединяют людей. Таким образом, каждый человек может оказаться участником подобного сообщества; может входить одновременно в несколько разных сообществ; получает возможность высказаться и быть услышанным; становится тем, кто изменяет мир, не выходя из дома. В частности, одним из примеров подобного стихийного объединения является прошедший недавно Ice Bucket Challenge – кампания по обливанию себя ледяной водой с целью привлечь внимание широкой общественности к проблеме бокового амиотрофического склероза: люди из разных стран снимали на видео то, как их обливают ледяной водой, и номинировали на такое же действие своих знакомых и друзей. При этом каждый, кто выполнял или не выполнял условия вызова, вносил на счет фонда по разработке лекарства определенную сумму, а также рассказывал о болезни другим. Таким образом, солидарность в медийном пространстве и пространстве социальных сетей не сводится к узкополитическому феномену, благодаря Интернету она охватывает большое количество жизненных сфер и становится частью повседневной жизни.

Здесь важно отметить только степень осознанности подобного участия в движении солидарности, поскольку именно осознанность становится проблемной в рамках интернет-активизма. Виртуальный мир выходит за рамки собственно интернет-площадок, он просачивается в реальную жизнь человека (хотя здесь стоит быть чрезвычайно осторожным в выборе терминов), но главным отличием виртуальной и реальной жизни является степень осознанности. Интернет – совершенно особенная сфера жизни, в которой мышление играет решающую роль, но оно может притупляться. Интернет представляется волнообразным, волны «мне нравится» и «репост» захватывают человека, который оказывается в «сетях» Интернета, и здесь очень важно, чтобы человек не терял способность к критическому осмыслению. Из-за большого объема информации человек должен найти инструмент для фильтрации и сортировки потоков, которые проходят через него. Осмысление и осознанность поэтому должны играть особую роль в процессе виртуализации. Именно потому, что Интернет – это площадка свободной творческой коммуникации²⁰, он требует усиленной работы

²⁰ М. Кастельс: *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, Екатеринбург: У-Фактория 2004, 328.

мышления. Представляется, что в Интернете нет естественных рамок и границ – таких ограничений поведения, которые существуют в человеческом обществе. Именно поэтому солидарность, которая выражается с помощью виртуальных средств коммуникации, требует еще большей осознанности действий, нежели солидарность, проявляющаяся в реальном мире.

Кроме того, социальные сети и блоги часто становятся площадками, в рамках которых и на которых люди фиксируют свою идентичность, стараются придать смысл своему существованию, запечатлевая каждый момент своей жизни (фотографии в «Инстаграме», статусы в «Фейсбуке» и «Вконтакте», посты в «Живом журнале») – все это сигналы к обнаружению человека: его обнаружение самого себя и открытие его другими людьми. Именно в процессе саморепрезентации, «выхода из тени» может также зарождаться солидарность. Интернет-активизм вообще становится довольно влиятельным феноменом, особенно это проявляется на Западе: люди из разных уголков мира объединяются для достижения единой цели, не выходя из своих квартир и не нарушая привычный для себя строй жизни. Кроме того, солидарность проявляется и в реальных действиях, которые выходят за рамки Интернета²¹: начиная от публичных дискуссий и обсуждений актуальных социальных вопросов и заканчивая участием в массовых митингах.

Подводя итог этого краткого текста, который, скорее, является неким наброском для дальнейшего исследования, необходимо отметить, что солидарность представляется сложным, многоуровневым феноменом. Именно поэтому для определения и анализа данного социального явления необходимо привлекать разные точки зрения и пытаться не только сравнить их, но и выявить общие черты, попробовать дополнить одно представление чертами другого, т.е. попытаться синтезировать концепцию солидарности. Тем самым, говоря о двух концепциях солидарности, которые представлены такими разными философами, как Ричард Рорти и Ян Паточка, необходимо отметить несколько важных моментов, которые являются краеугольными камнями для понимания самого феномена солидарности.

Во-первых, следует понимать, что когда люди объединяются, солидаризируются друг с другом, сам процесс солидаризации может происходить не только на рациональном, но и на телесном уровне. Одним из примеров может быть названо стремление предотвратить боль, страдание и унижение, с помощью которых на человека могут воздействовать люди или силы, которые ему противостоят. Соотношение солидарности и жестокости, возникновение солидарности как ответ на жестокость – это в каком-то смысле трактовка,

²¹ Конечно, сложно проследить, что является следствием, а что причиной: активизм в Интернете или активизм в реальной жизни, поскольку в настоящее время оба вида практик тесно переплетаются друг с другом. Представляется, что оба вида активизма являются взаимосвязанными и не требуют отделения одного от другого.

которая лежит на поверхности повседневной жизни. Во-вторых, можно говорить о том, что солидарность возникает в тот момент, когда сразу несколько людей (или многие люди) сталкиваются с чем-то, что превосходит их, – и эта встреча становится импульсом движения жизни в свободе и для свободы. Из этого также следует вывод о том, что так или иначе солидарность связана с политикой в самом широком смысле этого слова. Кроме того, в современном мире солидарность становится не только реальным феноменом, который может осуществляться в физическом мире, но существует и в рамках виртуального онлайн-сообщества – и тогда в некоторых случаях солидарность переходит в интернет-активизм.